

Евгений СТЕБЛОВ: У меня до сих пор на ладонях ощущение его рук

Юра вошел в мою жизнь по телефону. Он позвонил и начал восторгаться какой-то моей работой. Юра вообще не ленился говорить актерам добрые слова... Мы дружили, хотя у нас были странные отношения — каждый день говорили по телефону, а не виделись годами. Причем одно время жили совсем рядом, и нам ничего не стоило зайти друг к другу. Нужно признаться, я сознательно не приглашал его домой. У меня в то время был маленький ребенок, требующий постоянной заботы, а я знал, что Юра — большой ребенок, и с ним нужна такая возня! Я не смог бы ему уделить должного внимания и сознательно не звал его, чтобы не обидеть. Юра ведь был гипертрофированно ранимый человек.

Сколько его помню, он никогда не отдыхал. Юра так хотел стать артистом, что когда мечта осуществилась, боялся не работать, боялся, что это может прекратиться. Он себя буквально сжигал.

Как-то под Новый год я был во МХАТе на спектакле с участием Юры. И заметил, да простят меня артисты (сам бывал в таких ситуациях: новогодний день, все торопятся) — рядом с Юрой они выглядели в этот вечер халтурщиками, берегли себя, не тратились так, как он. Я ему говорю после спектакля: «Юрочка, ну так же нельзя, ты же себя угробишь!» — «Я иначе не могу!»

Когда он не снимался и не был занят в спектаклях, сидел дома и рисовал картины. По портретам можно судить, что у Юры был очень острый взгляд. Мог человеку дать убийственную характеристику.

Как-то я написал о Юре статью, и меня попросили в одном издательстве на основе этого материала сделать буклет. Мне нужно было уточнить у Юры какие-то детали, и мы с ним договорились о встрече. Прихожу к нему в назначенное время, звоню, никто не отвечает. Повернул ручку, дверь оказалась незаперта. Я вошел и увидел Юру, сидящего на полу... он рыдал, безутешно рыдал.

— Юрочка, что случилось?

— Женя, я скоро умру!..

— Юра, ну как же, что ты, это ведь грех!

Церковный ли он был человек? Никогда у него не спрашивал, но Бога-то он признавал, у него и иконы дома висели.

У Юры была страсть, он собирал такой архив — фотографии артистов с подписями. Однажды он предложил мне обменяться фотографиями. На своей написал мне какие-то добрые слова и потом: «От Юры Богатырева за год до смерти».

Многие, с кем он общался по телефону, как со мной, подтверждали, что он не раз говорил о скорой своей кончине.

Как тонкий человек он, думаю, чувствовал свою судьбу.

Моя приятельница-астролог к новому 1989 году сделала мне в подарок личный гороскоп. Среди других пунктов там была смерть друга. О том, кто это может быть, я и думать боялся.

В начале февраля я, как обычно после обеда, уселся в кресло и позвонил Юре.

— Юрочка!..

— Женечка!..

— Как ты себя чувствуешь?

— Вот лежу в больнице, меня возят на спектакли. А сейчас только-только с репетиции забежал домой. При его гипертонии так выкладываться было просто самоубийством.

— Юр, а ты с ребятами-то помирился?

Ребята — это Настя Вертинская и Саша Калягин, он еще летом с ними поругался, а я переживал, когда мои товарищи в ссоре, и к тому же понимал, что это значит для Юры, с его-то ранимостью.

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА

— Ну, с Настей мы на сцене главами помирились. А Саша сам ко мне пришел и прощения попросил. Ну, ты знаешь Сашу, он же хитрый, понимает — если с товарищем в ссоре, а потом вдруг с товарищем что случится, это же грех...

Фраза как-то повисла в воздухе, но было ясно, что он имел в виду.

Следующим утром я вышел за хлебом, и участковый милиционер, простой такой мужик (у нас с Юрой был один и тот же участковый, ведь жили мы рядом) кричит мне:

— Же-е-нь, а Богатырев-то дуба дал!

У меня прямо ноги подкосились. После похорон мать Юры позвала нас с Никитой Михалковым к нему домой, мы там какое-то время посидели, а когда вышли из квартиры и за нами захлопнулась дверь, вдруг одновременно зарыдали... так и стояли, обнявшись, рыдая, ничего не говоря.

У меня до сих пор на ладонях осталось ощущение его рук. Он для меня живой — такой неловкий, обидчивый, громадный...

Никита МИХАЛКОВ: Роль генерала в «Сибирском цирюльнике» была написана для Юры

В Юре было удивительное соединение: с одной стороны — мощный, огромный, выше всех на голову, шире всех в плечах, а с другой — такой доверчивый, трогательно-ранимый. Однажды, будучи уже знаменитым артистом, он мне звонит и говорит: «Ты можешь себе представить, Никитушка, я стою в очереди в магазине, и никто меня не узнает! Ведь сейчас идет на экране фильм «Два капитана»! Я уж крутился, вертелся, всем показывался, и так отстоял всю очередь неузнанным».

Необычное переплетение внутренних и внешних данных давало Юре грандиозную возможность быть любым. Есть замечательные артисты, но они приговорены своей фактурой играть одно и то же. Юра мог играть и в вестерне — сильного, могучего супермена, коим он, кстати, не являлся, (помню, на репетиции фильма «Свой среди чужих...») я заметил, что он кулак складывает как-то по-женски). А мог

столь же убедительно быть неуклюжим Войницевым («Неоконченная пьеса для механического пианино») или практичным Штольцем («Несколько дней из жизни И.И.Обломова»).

При своей мощности и дородности Юра казался необыкновенно легким, было ощущение, что он очень спортивен, хотя никогда не занимался

Юрий Богатырев родился в 1947 году. С детства хорошо рисовал и после 8-го класса поступил в художественно-промышленное училище, но, вместо того чтобы рисовать, организовал там драматический кружок. Неожиданно для себя понял, что его больше привлекает театр. В семье не было людей искусства, и тем не менее родители понимали сына и не считали его поиски просто метанием. В 1967 году Богатырев поступил в Щукинское училище, и там снова стал заниматься рисованием, оформлял дипломные спектакли, в которых сам и участвовал.

После училища его приняли — в «Современник». Юрий Богатырев начал много сниматься в кино, первая большая роль — в фильме Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Потом были: «Два капитана», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Родня», «Объяснение в любви»... С 1977 года до последнего дня жизни работал на сцене МХАТа.

Еще в пору «Современника» Богатырев женился, брак был недолгим, но успел нанести серьезный удар по его самолюбию. После этого он жил один, это был его выбор. Одиночество не могло не угнетать, и он взваливал на себя непосильную ношу — работал на износ.

В последние годы рядом с Богатыревым была женщина, готовая ухаживать за ним, помогать по хозяйству. Но он так и не смог пустить кого-то в свою жизнь. Возможно, был к этому не готов, а может быть, уже было поздно и не оставалось сил что-то менять. ■

спортом. И это ощущение подтвердилось во время съемок фильма «Свой среди чужих...», когда Юра, первый раз сев на коня, после двух уроков поскакал на диком жеребце по горным дорогам Чечни наравне со мной, а я вырос на конном заводе, с девяти лет на лошади. Отсутствие опыта абсолютно лишило его чувства страха. Ничто не могло остановить его от прыжка с обрыва гигантской высоты в реку без дублера. Когда Юра очутился в воде, их с Костей Райкиным так быстро потащило по течению, что мы не успели оглянуться, как они исчезли за поворотом. Выловили их только через два с половиной километра, из такой бурной реки самим было выбраться невозможно.

Мало кто знает, что роль генерала в «Сибирском цирюльнике» была написана для Юры. Когда я читал ему сценарий, он хохотал, хлопал «верхними ногами» (так мы называли его руки), мечтал ее сыграть...

Константин РАЙКИН: Мы разложили на себя весь мировой репертуар

Я обратил внимание на Юру во время вступительных экзаменов в Щукинское училище — в нем было что-то уютное, что-то очень простое и зовущее на контакт. Мы с ним сразу подружились... Белый и черный, большой и маленький. Я часто запрыгивал на Юру, как на огромное дерево. И еще мы хулиганили в бассейне. Юру нельзя было «утопить», на него это не производило никакого впечатления. Он спокойно уходил на дно, пережидая каверзы. Я нырял, уже задыхаясь, а сильно позже всплывал невозмутимый Юра.

Юра жил в Красногорске, откуда неудобно было ездить каждый день на учебу, и я предложил ему поселиться у меня дома. Юра был очень «удобный» в обиходе — жутко чистоплотный, хозяйственный, просто прелесть. Разговоры об искусстве занимали огромную часть нашего времени. Мы думали, как можно нас разложить весь мировой театральный репертуар. Один вечер Юра будет играть Отелло, а я — Яго, другой — будем меняться местами. Так же с Хлестаковым и Городничим... Придя в «Современник», мы так сразу и разложили Олега Табакова эти самые наши притязания. Он обалдел от уровня драматургии и звездности выбранных нами ролей.

Если бы Юра был жив, у меня в театре ни одного спектакля не обошлось бы без него. Мы обязательно поставили бы Островского, и все главные герои Мольера и Шекспира были бы его.

Трудно сказать, влияет ли его искусство на нашу жизнь... Я знаю одно: когда обычные люди, живущие в своем средне-хамском, со спящим душой, состоянии, вдруг видят замечательный фильм, спектакль, они растопыряются лицом, мячуют душой, становятся честнее, лучше... на время, пока идет действие, потом все встает на свои места. Но Бог, который за всеми нами наблюдает, запомнит этот момент. Это мы судим человека по делам, а Господь — по более тонкому счету, по работе души. И в книге учета всех наших грехов и гадостей у него будет заметочка, что в течение трех часов душа работала и светлела.

Подготовила
Оксана НИКИТИНА